

СБЛИЖЕНИЕ в обогащение литературы и искусства братских народов — генеральная линия развития нашей культуры, социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернациональной по своему духу и характеру. Немеркнущий интерес представляет все то, что совершается на этом направлении культурной жизни. И если говорить о путях, способствующих наиболее прямому, непосредственному, быстрому взаимовлиянию и воздействию братских культур, то, несомненно, одно из ведущих мест принадлежит здесь театальному искусству благодаря его особенностям. Театру — как трибуне воспитания, формирования духовного и эмоционального мира человека, театру, волнующему, побуждающему мыслить, сопереживающему, сочувствовать. И если появляется на сцене спектакль, который не оставляет зрителя равнодушным, побуждает его к размышлению, пусть даже спорю, он — при равной степени зрелищности и незабываемости — все равно обязательно оставляет след, воздействует на ум и сердце.

Обращение обоих драматических театров нашей республики к пьесам драматургов братских народов по праву можно считать заветной и доброй традицией и их творческой жизнью. Можно вспомнить, на-

пример, о постановке пьесы «Перед грозой» по роману осетинского писателя И. Уруймаковой на сцене русского драматического театра: она стала в свое время крупным событием в его деятельности, коллектив по достоинству был отмечен за эту работу армянским писателем Костя Хетагуровым. Можно перечислить до десятка пьес драматургов братских республик, в частности, республик Северного Кавказа, у которых репертуар осетинского драматического театра. О верности этой традиции говорят в совсем свежие примеры — спектакль «Гроза» по бессмертной пьесе классика русской драматургии А. Н. Островского в осетинском театре, получивший высокую оценку на всесоюзном просмотре, в летнем премьерном русском театре по интересной пьесе молдавского драматурга И. Друцэ «Птицы нашей молодости».

Такая черта в репертуарной политике театров нашей многонациональной республики — конечно, не случайное, а закономерное явление. Вполне естественно, что оба театра зрительно участвовали в конкурсе, посвященном 50-летию образования СССР, и показывали в связи с этим спектакли, поставленные по пьесам драматургов братских республик. В осетинском драматическом театре постановками были «Судьба Саба» по пьесе грузинского драматурга Г. Хиташвили «До-

роги» и «Заточканный апостол» белорусского драматурга А. Макаенка. В русском театре в качестве конкурсных спектаклей были в следующем сезоне ранее поставленный спектакль «Пока арба не перевернулась» грузинского драматурга Д. Носеллиани и новый — по пьесе датского дра-

матурга М. Карима «Планета девушки».

Все эти работы театров уже получили свою оценку и у зрителей, и в печати. И если есть смысл в том, чтобы возвращаться вновь к разговору о спектаклях юбилейного сезона, то, наверное, не для того, чтобы зрительно рассматривать их зрелищность и недостатки. Здесь принадлежит другое. Ведь какой бы мейер — более или менее высокой — мы бы оценили эти работы: они состоят в деятельности творческого коллектива известного века, как спектакли с полнотой юбилейных страсти. И не только по одной этой причине. Пьесы, в подавляющем большинстве, являются работами, в которых появились личности, которые обрели черты. А кроме того, веткой не только эстетическое, но и нравственное

воспитывающее значение спектаклей по пьесам братских драматургов, всей развивающейся в работе над ними эстетической традицией. Обо всем этом и хотелось бы поразмыслить.

БЫВАЕТ так, что, перебирая в памяти виденные спектакли, обматрива-

ешь вдруг даже бы высеченные куски, сцены, детали. Там встает перед глазами Агабо Богвардзе — Б. Кеворков в финальной сцене. До того весь захваченный движением, такой неутомимый в действиях, холодный в слове, он как будто застыл, пораженный слабостью своей любимой Кесарины. Не знаю, все ли замечали, как меняется в этот момент Агабо... Вдруг опускаются плечи, проглядывают во всем его обличье усталость, годы, разочарования. Агабо плачет, а глубоко грустная мота переносит весь ритм спектакля в иное качество. И не только внешне, но и внутренне как бы долгим становится герой, по-особому четко, четко, просветленно звучат его слова, обращения в полнотой в себя Кесарины. Слова о том, что его арба не

переворачивается. В них нет порока легкой бодистости, нет стремления спрятаться от суровой правды жизни, а звучит то самое мужество, та спокойная и мудрая уверенность в себе, которые делают столь привлекательным облик Агабо. Не пройдя эта слова сквозь фильму глубокой человеческой грусти.

И так же четко вырисовывается в памяти образ из «Судьбы Саба». Затянутые дымящей туманом, зеленые в бурные горы в перспективе септо-синее, бескрайнее. Именно такое, каким оно видится из долины, небо. И Саба — Ф. Каллагов, рабочий человек в косоворотке, мешковатом пиджаке. Столькой разности в лессоней неустрашенной силы в нем, пошедшее песню, обращенную к горам. Не сразу объяснишь, почему эта сцена убеждает неотраженной правдой и поэтичностью. Но это ощущаешь сразу, как и убедительность хора, решительного речистости, очень точно вписанного в ход событий. И голос хора — револлюционных солдат, матросов, жидущих воспри-

имчивости, в которых, как в разных мирах, заигрывают и живут герои разных поколений, отчужденные, отединенные друг от друга. В обоих случаях детали оформления как бы дают настрой всему спектаклю. В одном случае — многофигурному, броскому, пестрому и такому солнечному, даже в своей иногда воинской чистоте и яркости. В другом — спектаклю-памфлету с его символической и философичностью.

О каждом из этих спектаклей вспоминаешь разное. Наверное, другим зрителям покажутся иные образы и детали. Но вряд ли кто упрекнет эти работы театров в серости.

Во то же время я один из спектаклей не был беспорочным. Были, например, расхоженные в слове, и такого и общем смысле, четверского

спектакля, как «Пока арба не перевернулась». Отмечалась его достоинство — хороший ансамбль, сдержанно и в общем удачно переданный национальный колорит. С другой стороны, высказывалась мысль, что театр излишне увлекался подчеркиванием юмористического начала в пьесе за счет ее дра-

матического содержания и социального содержания. Этот упрек пожалуй кажется мне совсем правомерным. Думаю, замысел режиссера спектакля А. Мирошникова состоял в том, чтобы сочетать в одном ансамбле разные, возможно ярче проявленные линии: драматическую, комическую, лирическую. Благодаря сильной, эмоционально выразительной игре Б. Кеворкова, обеих исполнительниц роли Кесарины — М. Беленькой и Г. Шенко, глубинная драматическая линия не звучала глуше, чем остро комическая характеристика детей в действиях А. Карпова, Ю. Васильева, К. Кавказова и их жен (Антонина И. Никитина, И. Самойлова и Е. Соколова, А. Туркина). Конечно, только опубликованная в печати и такая и общем смысле, четверского

спектакля, как «Пока арба не перевернулась». Отмечалась его достоинство — хороший ансамбль, сдержанно и в общем удачно переданный национальный колорит. С другой стороны, высказывалась мысль, что театр излишне увлекался подчеркиванием юмористического начала в пьесе за счет ее дра-

РОДНИК, КОТОРЫЙ